

ЖАН-ЖАК РУССО И ЖЕНЩИНЫ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Парадокс, синоним противоречия общепринятому мнению, ассоциируется в обыденном сознании с неожиданностью и нелогичностью ситуации или явления. Как правило, парадокс идет вразрез со здравым смыслом, кажется странным, невероятным и вызывает удивление. Странности, говорят, присущи гениям. Невозможно быть гениальным и при этом ordinarily мыслить. Вот и великому национальному поэту России А. С. Пушкину парадоксальность мышления представлялась непрременным признаком гениальности. Свидетельством тому знаменитое его стихотворение 1829 г.:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...¹

Как будто в подтверждение пушкинских слов один из величайших философов Просвещения Жан-Жак Руссо, гениальность которого вряд ли кто-то возьмется оспаривать, имел репутацию приверженца самых, что ни на есть, странных парадоксов. С самого начала своей литературной славы, по выходе в 1750 г. «Рассуждения о науках и искусствах», удостоенного премии дижонской Академии, тезисы Руссо шли вразрез с доминирующей идеей эпохи о бесконечном прогрессе. Возрождение наук и искусств не способствовало очищению нравов, отнюдь, утверждал он в своем сочинении. Науки и искусства, цивилизовав дикие народы, привили им тщеславие и потребность в роскоши. Неоправданные потребности развратили их нравы, поработили их умы, изнежили и лишили воинской доблести². В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) цивилизованному обществу, погрязшему в пороках, Руссо противопоставил картину естественного состояния людей,

когда живя в неведении, непорочные и не испытывающие страстей и желаний, они были равны и счастливы. Чего стоит одно его заявление о том, что «*состояние размышления – это уже состояние почти что противоестественное и что человек, который размышляет, – это животное извращенное*»³. Эксцентричный Жан-Жак! Его безапелляционные суждения возмущали современников. Тем не менее, успехом своих книг Руссо был во многом обязан именно духу противоречия, который в них находили. Ведь, как известно, парадокс это еще и умелый литературный прием, рассчитанный на пробуждение читательского интереса, и Руссо, писавший в ритме пафоса и декламации, частенько к нему прибегал.

Более того, Руссо был так искусен, что не брезговал противоречить самому себе на страницах одного и того же произведения. За бурной частью сочинения, которую можно было бы сравнить с резвым музыкальным темпом *allegro*, следовали, как правило, благоразумные размышления сравнимые с неторопливым темпом *andante*. В этом чередовании ритмов, в переходах от парадоксов к рассудочности, безусловно, определенную роль играло увлечение Руссо музыкой. Так, осудив науки и искусства за их порочность, Ж.-Ж. Руссо внезапно становился на их защиту, приводя в пример Цицерона и Бэкона и советуя государям чаще прибегать к советам ученых⁴.

Но Ж.-Ж. Руссо – это не только парадоксы в сочинениях. Его поведение зачастую шло вразрез с отстаиваемыми им тезисами. В «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758) Руссо, уроженец Женевы, приняв позу аскетичного ее гражданина, строго осудил театральные постановки как развращающие зрителей, чтобы, в конечном счете, признать их необходимыми. Романы также подверглись его осуждению, что не помешало ему впоследствии сочинить роман в письмах «Юлия или Новая Элоиза» (1761). После всего вышесказанного вовсе неудивительно, что тема «Руссо и парадокс» послужила пищей для целого ряда исследований⁵. Вот как Реймон Труссон, французский биограф Ж.-Ж. Руссо, резюмировал от первого лица противоречивые заявления философа из «Письма к д'Аламберу»:

*«Правда, что я люблю комедию, хотя нещадно ее критикую, что мне нравится бывать в обществе женщин, хотя обличаю их недостатки, что я восхищаюсь Мольером, Расином и Корнелем, хотя предупреждаю об их вреде, что я обвиняю комедиантов, хотя один из них был моим другом. Это доказывает лишь то, что я предпочитаю общественное благо собственным слабостям»*⁶. Противоречивый Жан-Жак!

Отношения Ж.-Ж. Руссо с женщинами были столь же парадоксальны, как и остальные стороны его жизни и общественной мысли. Руссо был женоненавистником, во всяком случае, такая у него была репутация, имевшая истоком его же заявления, но при этом он любил женщин и искал их общества. Так в юности Руссо отказался от блестящих перспектив, которые открывало перед ним продолжение службы у графа Гувона только потому, что, как он писал впоследствии:

«Мое безумное честолюбие искало счастья только в приключениях, и так как здесь не была замешана женщина, этот путь к успеху казался мне слишком медленным, скучным и унылым, между тем как я должен был бы считать его тем более достойным и надежным, что дело обходилось без женщины, поскольку те качества, которым обыкновенно покровительствуют женщины, мало стоят в сравнении с теми, присутствие которых предполагалось во мне»⁷.

Руссо, казалось, ни во что не ставил женщин, развивал в своих трудах, будь то «Письмо к д'Аламберу», «Эмиль» или «Новая Элоиза», мысли о том, что они должны быть в подчинении у мужчин и их ублажать, но при этом его сочинения имели большой успех среди прекрасного пола. И в этом парадокс и проблематика данной статьи. Как можно объяснить феномен популярности сочинений Ж.-Ж. Руссо среди женщин? Был ли отмеченный парадокс действительным или только видимым? Иначе говоря, был ли Руссо таким уж женоненавистником, каким его выставляют?

Отметим, что не только сочинения Руссо, но и он сам не был обойден женским вниманием. В его жизни было много женщин, о многих из них он упомянул в своей «Исповеди». Но на заре своего существования он был лишен внимания и заботы самой важной в жизни каждого человека женщины – матери, которая умерла при родах. И как следствие в нем с ранних лет сформировался комплекс вины. *«Я стоил жизни моей матери, – напишет Руссо, – и мое рождение было первым из моих несчастий»⁸*. Неудивительно, что впоследствии в отношениях с женщинами он искал ей замену.

Не углубляясь в детали биографии Руссо, упомянем только тех женщин, которые имели наибольшее значение в его жизни. Луиза-Элеонора де Варанс была ему особенно дорога. 16-летний скиталец, бежавший из Женевы, праздный и невежественный, Жан-Жак нашел в ней своего ангела-хранителя. Милосердная дама, помогавшая обращению протестантов в католичество, она встретила его на пороге церкви кордельеров в

савойском городке Анси (Annecy) 21 марта 1728 г., в вербное воскресенье, недалеко от дома, в котором жила. Произведенное ею впечатление оказалось неотразимым:

«Я вижу исполненное прелести лицо, прекрасные, полные нежности голубые глаза, ослепительный цвет кожи, очертания обольстительной груди. Ничто не ускользнуло от быстрого взгляда молодого прозелита, так как я тотчас же обратился в ее веру, убежденный, что религия, проповедуемая подобными миссионерами, может вести только в рай»⁹.

Когда много лет спустя, в 1765–1770 гг., Руссо писал свою «Исповедь», он как будто вновь переживал тот момент и выразил желание окружить место своей встречи с мадам де Варанс золотой балюстрадой¹⁰. Без сомнения, философ был чувствителен к женской красоте и придавал много значения женской привлекательности. Неслучайно впоследствии, рассуждая о составляющих воспитания Софи, невесты Эмиля, он желал, чтобы девушка научилась следить за собой и быть красивой, а для этого ей нужна была кукла. Красота, очарование – вот та власть, которой располагают женщины, считал он.

В Луизе де Варанс, этой прелестной даме, жившей на пенсию сардинского короля, выплачиваемой ей для содействия распространению католичества в пограничной с протестантской Женевой Савоие, он встретил интерес к своей «незатейливой истории». После ряда разочарований и унижений, испытанных им в Турине, после опыта службы лакеем-секретарем, в ее лице он нашел просвещенную покровительницу, о которой мечтал. В течение более десятка лет, с 1729 по 1740 гг. Руссо делил кров с мадам де Варанс, сначала в Анси, затем в Шамбери (**Chambéry**) и в загородном доме в ложбине Шармет (Les Charmettes). Разумеется, за столь длительный срок их отношения претерпели некоторые изменения. Руссо встретил Луизу де Варанс, будучи совершенным юнцом, она же, хоть и молодая женщина, была на 13 лет его старше и заменила ему мать. Он называл ее *taman* (маменька), она называла его *petit* (маленький). В Савоие было принято называть *taman* хозяйку дома, но в данном случае в слово это вкладывался больший смысл. По признанию Руссо, мадам де Варанс была для него *«самой нежной матерью, никогда не думавшей о собственном удовольствии, а всегда о моем благе»*¹¹. Впоследствии, когда он возмужал и вступил в любовную связь со своей благодетельницей, их отношения приобрели двусмысленный характер. Как бы то ни было, Луиза де Варанс, женщина, достаточно раскрепощенная для своей эпохи, любившая петь и играть на клавесине, сумела обеспечить Руссо

необходимую эмоциональную и финансовую стабильность, которая способствовала формированию его гения.

Ж.-Ж. Руссо был автодидактом. Его «идейный багаж» был сформирован упорным чтением и размышлением, которым он предавался в Шамбери, а летом в Шармет. Руссо, по собственному его признанию, никогда не расстался бы с мадам де Варанс, не найди она ему замену в лице молодого Винценрида. Впоследствии, создавая образ Юлии, он наделит ее харизмой своей благодетельницы, не говоря уже о светлых волосах, атрибуте романтической героини, и поместит события в селение Веве (Vevey) на берегу Женевского озера в кантоне Во (Vaud), где прошла юность его покровительницы.

Белошвейка парижского отеля «Сен-Кентен» Тереза Левассёр стала спутницей жизни Руссо после того, как прежние узы были разорваны. На этот раз он сам выступил в роли покровителя и благодетеля по отношению к бедной девушке и к ее многочисленной родне. Как же так? Ведь, по словам Руссо, его нисколько не интересовали связи со служанками?! Портнихи, горничные, торговки нисколько его не прельщали. Его живое воображение требовало пищи, и только девицы благородного происхождения, хорошо одетые, с холеными руками, вдохновляли его на грезы. После таких заявлений его привязанность к Терезе, простой женщине из народа, которая читала с трудом, писала так, что ее каракули едва поддаются расшифровке, так и не научилась считать и распознавать цифры на циферблате, выглядит как странный парадокс. Как мог Руссо, столь гениальный, начитанный и умный, связать свою жизнь в течение долгих 33-х лет, вплоть до гробовой доски, с неграмотной женщиной? И заявлять вдобавок ко всему в «Исповеди», что «*благодаря ей я прожил жизнь счастливо, насколько это возможно было по ходу обстоятельств*»¹²? Ведь Руссо, по собственному его признанию, «*ни разу не почувствовал ни малейшей любви к ней*»¹³.

Объяснение, скорее всего, в том, что в Терезе он обрел преданность верного пса. Она вела хозяйство философа, готовила ему *pot-au-feu* (вареную говядину с овощами), штопала его поношенную одежду, обустроивала его быт, ухаживала за ним, когда он был болен. Друзья-философы не одобряли выбор Руссо, и он сам представлял Терезу то служанкой, то гувернанткой, то сиделкой. Женевский друг Руссо Жан-Венсан Гофкур называл Терезу и ее сварливую мать «*les gouverneuses*» (он образовал это слово, отталкиваясь от «*gouverneur*» (управляющий), поставив его в женский род, в переводе на русский язык получится «управляющие»).

Ж.-В. Гофкур, который, заметим, сам был уличен в галантном отношении к Терезе, желал передать тем самым стремление семейства Левассёр, особенно матери, управлять философом.

В ответ на вопрос, что первое вам приходит на ум, когда называют имя Ж.-Ж. Руссо, многие вспоминают о том, что он сдал пятерых своих детей в сиротский приют, бросил их на произвол судьбы. Невероятно, до какой степени неприглядное поведение философа-моралиста шокирует общественное мнение до сих пор! Так сильно оно противоречит его концепции семьи и материнского вскармливания, изложенной в «Эмиле». Многие современники отказывались верить в то, что Руссо был способен на такой жестокий поступок. Так, Жорж Санд (Аврора Дюпен), приходившаяся правнучкой мадам Дюпен, хорошей знакомой философа, слышала в детстве от прабабки, что Ж.-Ж. Руссо не бросил своих детей, что их у него никогда и не было, и что все это выдумка. Трудно в данном случае утверждать что-либо. Вполне понятно желание читателей таланта Руссо стереть некоторые факты из его биографии, чтобы подогнать ее под принципы, изложенные в его трудах. Многие доходили до того, что оспаривали наличие у Руссо влечения к женскому полу. Известно, что он страдал проблемой мочеиспускания, а это физический недостаток, препятствующий полноценной жизни. К тому же у Руссо была женственная натура, в том смысле, что он не был мужланом. Слишком чувствительный, слишком ранимый, слишком сентиментальный... Он не был ни мускулистым, ни закаленным, одевался элегантно, имел пристрастие к армянским халатам. Как бы то ни было, даже если Руссо сурово обошелся со своими отпрысками и в основе его поведения – только чудовищный эгоизм, заметим все же, что в середине XVIII в. около 40% детей, рожденных в Париже, поступали в Воспитательный дом. Случай Руссо – самый известный, но далеко не единственный. Руссо неоднократно поверял свою вину знакомым дамам, приводя разные аргументы в свое оправдание. Наиболее поразительный из них, как представляется, – тот, что изложен в «Исповеди»: *«Я содрогнулся перед необходимостью поручить их (своих детей) этой дурно воспитанной семье (Левассёр), – ведь они были бы воспитаны ею еще хуже. Пребывание в Воспитательном доме было для них гораздо менее опасным. Вот основание принятого мной решения...; однако оно было единственным, о котором я не смел говорить»*¹⁴. Ж.-Ж. Руссо, без сомнения, стеснялся своей связи с Терезой Левассёр, но, обретя в ее обществе некий душевный комфорт и успокоение, не мог поступить иначе. С годами он приобрел привычку совместной жизни с ней.

Ясно, тем не менее, что его привлекал совсем другой социальный тип женщин – прямо противоположный Терезе – блестяще образованные, утонченные дамы из высшего света. В этом вся проблема. Несомненно, «без тени искусственности или кокетства»¹⁵, Тереза была ближе к природе, чем салонные дамы. Но с ней он испытывал скуку. Ибо, о чем он мог разговаривать с Терезой, которая элементарно путала значения слов («Слово, которое сходит у нее с языка в разговоре, часто противоположно тому, что она хочет сказать»¹⁶)? Софи Лалив де Бельгард, в замужестве д'Удето, в которую Ж.-Ж. Руссо без памяти влюбился в 1757 г., подходила ему несравненно больше. Это была единственная женщина, которую философ, по собственному его признанию, любил «настоящей любовью»¹⁷. Резвая, непосредственная, ветреная, любившая поэзию и сочинявшая стихи, она была замужем за бригадным генералом графом д'Удето, который, как водится, занимал мало места в ее жизни. Предоставленная самой себе, графиня д'Удето увлеклась маркизом Ж.-Ф. де Сен-Ламбером, поэтом и другом Ж.-Ж. Руссо. Когда Руссо признался Софи в своих чувствах, он был занят работой над своим романом «Новая Элоиза» и, вероятно, увидел в ней живое воплощение своей романтической героини Юлии. Софи д'Удето, хотя и польщенная его признанием, была слишком влюблена в Сен-Ламбера, чтобы поощрять его страсть, а после 1760 г. и вовсе прекратила с ним всякую переписку и встречи, заставив философа страдать.

Несмотря на отсутствие политических прав, женщины играли значительную роль во французском обществе XVIII века. Иезуит Кастель, изобретатель цветного клавесина, к которому у Руссо по его прибытии в Париж осенью 1741 г. было рекомендательное письмо, дал ему дельный совет: «В Париже можно добиться чего-нибудь только через посредство женщин; они – как бы кривая линия, по отношению к которой мудрецы – асимптоты: непрерывно приближаются к ним, но никогда с ними не соприкасаются»¹⁸. После неудачи в Академии, не признавшей пользу изобретенной им новой системы нотной записи, для Руссо оставался единственный выход из ситуации – посещение знатных дам. Мадам де Безанваль, мадам де Брольи, мадам Дюпен, его первые светские знакомые, были наслышаны о нем от отца Кастеля. Салонная жизнь была тогда в моде, как в столице, так и в провинции. В салонах создавались и рушились репутации, книги обретали ценность, сочинители получали признание. Там собирались люди разных социальных слоев и занятий, достаточно было приглашения хозяйки.

Следуя совету иезуита, Руссо стал посещать модные дома. Однако контакт со знатными дамами не был для него легким. Робкий, он ощущал дискомфорт в избранном обществе и предпочитал молчать, ибо в противном случае ему случалось говорить нелепости (*bafouiller quelque balourdise*). Его стеснительность объясняется отчасти социальным происхождением. Сын часовщика, выходец из мелкой буржуазии, он терялся в присутствии блистательных особ. Тем не менее, надо полагать, что испытываемая им неловкость была в первую очередь следствием психологических особенностей его личности, и, прежде всего, гордыни. Дени Дидро, к примеру, сын ножовщика из Лангра, вел себя раскованно в аристократических кругах, хотя и был женат на простолюдинке.

Знатные дамы проявляли интерес к Руссо уже в ту эпоху, когда он еще ничем не прославился! По некоторым свидетельствам, самое отсутствие изысканных манер делало его интересным. Безнадежный «медведь», он пытался компенсировать отсутствие манер обилием комплиментов. Но самая его неловкость притягивала к нему сердца, производила впечатление на дам, пресыщенных галантным вздором салонов. «Он не знает обычаев света, но легко видеть, что он необычайно умен»¹⁹, писала Луиза д'Эпине в своем автобиографическом романе «История мадам де Монбрийян», особенно акцентируя внимание на его живых и блестящих глазах. Франсуаза де Граффини, автор романа «Письма перувийки», принесшего ей успех и признание, тоже с восхищением описывала глаза Руссо, «черные, круглые, но живые как карбункулы»²⁰.

«Мне всегда везло на знакомства с женщинами-писательницами», читаем в «Исповеди». В этой фразе сквозит ирония. Действительно, мадам Дюпен, мадам д'Эпине, с которыми Руссо более всего водил дружбу, были писательницами, некоторые их эссе были посвящены модным тогда вопросам воспитания, Софи д'Удето писала стихи. Луиза Дюпен, имевшая репутацию одной из самых красивых женщин Парижа, была богатой и влиятельной супругой генерального откупщика. В принадлежавшем Дюпенам великолепном особняке Ламбер на острове Сен-Луи собиралась вся интеллектуальная элита того времени. В течение ряда лет, с 1745 по 1751 гг., Руссо исполнял обязанности секретаря при мадам Дюпен, которая с его помощью собирала материал для книги в защиту прав женщин. Подобно писательницам XVII в., вошедшим в историю французской литературы как *les précieuses* (прециозницы, жеманницы), она отвергала *à priori* идею о превосходстве мужского пола. Для нее Рус-

со компилировал, выписывал цитаты из книг, что позволило ему пополнить свой «интеллектуальный багаж».

В самом начале знакомства Руссо имел неосторожность вспылать к Луизе Дюпен нежными чувствами, но та восприняла его признание как фронт, как наглую выходку лакея. В ее намерения входило отлучить его от дома, но Руссо вымолил снисхождение. Лишиться таких связей было бы жестоким ударом для начинающего писателя. Инцидент послужил ему уроком. Хотя в интеллектуальном плане он как нельзя более соответствовал просвещенному обществу, сын ремесленника, он должен был знать свое место. Это унижение вкупе с ранее испытанными разочарованиями и подтолкнуло его, вероятно, к разработке морализаторской системы, изложенной им впервые в «Рассуждении о науках и искусствах» и состоявшей в утверждении вреда цивилизации. У истоков ее было понимание, что как бы ни были велики заслуги, они не стоят привилегий, которые дают рождение и высокие покровители. Ж.-Ж. Руссо прибег к известному психологическому приему: он перевернул ситуацию в свою пользу, отверг и опорочил то, что недоступно, в результате недоступное стало восприниматься как нечто лишенное ценности, как в известной басне Ж. де Лафонтена «Лис и виноград». Зрелый виноград в румяной кожице висел слишком высоко, чтобы лис мог им полакомиться. Так и не сумев дотянуться до него, лис заявил, что и не желает его: мол, зелен он еще и кислый, пусть им кормится всякий сброд²¹.

Ж.-Ж. Руссо укоряли в женоненавистничестве, более того из него сделали символ женоненавистника. Действительно, если утрированно взглянуть на события романа «Юлия или Новая Элоиза»: Юлия, влюбленная в своего учителя Сен-Прё, совершив падение, раскаялась, согласилась на супруга, навязанного ей отцом, прониклась «целомудренными и возвышенными обязанностями» брака. По наставлениям Руссо, изложенным в «Эмиле», Софи должно обучать традиционным женским занятиям: вести хозяйство, заботиться о муже и читать молитвы, не более того. Образец добродетельных женщин по Руссо – жительницы Женевы, которые подчиняясь природному порядку, в своем кругу рукодельничают и злословят, в силу полного отсутствия у них творческих способностей. Однако такой утрированный взгляд не может передать всего богатства мысли и чувств Руссо.

Желательно все же вывести проблему за узкие рамки противопоставления феминизм – анти-феминизм, да и сам этот термин появится только в XIX в. Думается, что руссоистское видение женщины, ее роли в обще-

стве, как оно предстает из его сочинений, напрямую связано с отстаиваемым им тезисом коррумпированного общества. Женщины для него – воплощение всеобщей коррумпированности, моральной деградации и чем выше их социальное положение, тем они безнравственнее. Так, мадам де Помпадур представляется Ж.-Ж. Руссо воплощением всех возможных пороков. Это совершенно явственно видно из письма, которое Сен-Прё адресует Юлии из Парижа (письмо XXI Вторая часть). Сен-Прё это Руссо собственной персоной, то, что говорит Сен-Прё, то Руссо думает. Сен-Прё описывает нравы парижанок из высших, в том числе придворных кругов, которые приходилось наблюдать и Руссо. *«Цель парижских женщин, – пишет Сен-Прё, – в том, чтобы обращать на себя внимание»*²². Он возмущен аристократическим бесстыдством их жестов и речей, их дерзким взглядом, встретившись с которым всякий порядочный мужчина опускает долу глаза, их *«солдатской выправкой»* и *«гренадерским тоном»*²².

*«Женщины живут отчужденно, обособленно друг от друга среди целого множества мужчин, и тысячи тайных связей – следствие такого образа жизни. <...> Скука – страшный бич для всего этого веселящегося общества, поэтому женщины стремятся не к тому, чтобы их любили, а чтобы развлекали; волокитство и угождения стоят больше, чем любовь... Весь порядок естественных чувств здесь опрокинут. Сердцу неведомы никакие узы любви: девушке иметь их возбращается, – а право на них дано лишь замужней женщине, причем эти узы могут соединять ее со всеми, кроме мужа. (...) У большинства дам любовник на положении лакея: если он с делом не справляется, его прогоняют и берут другого...»*²³. И так далее, все в том же духе.

*«Французская обходительность, – продолжает Сен-Прё, – предоставила женщинам всеобъемлющую власть, а для ее поддержки нежные чувства не требуются. Все зависит от женщин, все делается лишь ими и для них – Олимп и Парнас, слава и богатство также подчинены их воле. <...> Впрочем, власть эта основана не на привязанности, не на уважении, а всего лишь на вежливости и светских правилах...»*²⁴. В замечаниях Сен-Прё сквозит сарказм.

Отношения Ж.-Ж. Руссо с дамами из высшего света, как было упомянуто выше, были достаточно сложными. Вот почему в своих сочинениях он разрабатывает модель добродетельной женщины, отличной от тех, которых можно было наблюдать в парижском светском обществе, отличной от тех, с которыми он водил знакомство. Его героини, Юлия и Софи, это некий идеал женственности, конструкт воображения. Они

возвращают браку и любви всю их первоизданную сущность, исковерканную цивилизацией. Хотя человеческая природа и испорчена цивилизацией, женщина осталась ближе к природе, нежели мужчина вследствие своих специфических функций, утверждает Руссо. А раз женщина ближе к природе, то она – у источника истины, которая в любви, в совершенном единении с природой и ее творениями. Ей, следовательно, надлежит пройти меньшую дорогу, чтобы обрести первородную свою чистоту. В своей на шумевшей некогда книге «Жан-Жак Руссо: прозрачность и препятствие» (Париж, 1957) о культуре и природе в творчестве философа Женевский профессор Жан Старобинский как раз и продемонстрировал, что в учении Руссо женщины являют собой воплощение первоизданной прозрачности человеческих отношений, тогда как контакты с мужчинами неизбежно более опосредованы, носят социальный или политический характер²⁵.

Если посмотреть на проблему с этой точки зрения, то не покажется столь уж удивительным, что сочинения Ж.-Ж. Руссо имели большой успех среди женщин. «Письмо к д'Аламберу» и «Эмиль», сочинения теоретические, философские интересовали как мужчин, так и женщин, но беспрецедентным успехом своего романа «Юлия или Новая Элоиза» Руссо был обязан, главным образом, женщинам. Ведь женщины больше и чаще мужчин читают романы. За промежуток времени между первой публикацией в 1761 г. и Французской революцией 1789 г. роман выдержал без малого 72 издания. В свидетельствах восторга читательниц не было недостатка. Это и письма к Руссо от поклонниц, это и мемуары того времени. Рассказывали об аристократках, которые одевшись на бал, брали роман Руссо в руки в ожидании, когда карета будет готова, но увлекшись, проводили за чтением всю ночь. Такие прославившиеся на разных поприщах, как на литературном, так и на общественном и политическом, женщины, как Жермена де Сталь, Манон Ролан, Олимпия де Гуж в молодости увлекались сочинениями Руссо. Более того, героини Руссо, Софи и Юлия, оказывали влияние на поведение, как француенок, так и иностранок знакомых с его творчеством.

Женщины начали интересоваться собственными детьми, и если раньше было естественным отдавать ребенка кормилице, то под влиянием Руссо они начали сами вскармливать своих детей. Вопреки поучениям философа о долге и целомудрии, женщины вынесли из его романа урок, что любовь – единственный способ вдохнуть в их жизнь поэзию и свободу. Восторженность и изливания чувств вошли в моду. Руссо ли смог

изменить нравы и привычки женщин или желание перемен существовало в обществе в латентном виде, и Руссо лишь ускорил процесс, здесь трудно утверждать что-либо.

Как бы то ни было, в конечном итоге, нежелание Ж.-Ж. Руссо признать за женщинами общественной роли сыграло с ними злую шутку. Как известно, в 1793 г. на женские революционные клубы обрушились репрессии. Несмотря на активность, женщины в эпоху Французской революции не смогли провести свои требования в жизнь, единственным их завоеванием стало право на развод. Не виной ли тому Ж.-Ж. Руссо? Ведь деятели Конвента в своих гонениях оперировали традиционными аргументами о женском предназначении быть супругой и матерью и не более того. К тому же известно, что М. Робеспьер и Ж.-П. Марат были вскормлены идеями Руссо, он был их духовным учителем, кормчим и вдохновителем. Так нет ли тут связи?! Вопрос, вероятно, риторический, хотя и не исключает дальнейших обсуждений парадоксальности отношений великого мыслителя и женщин.

¹Пушкин А. С. Собрание сочинений. Том 2: Стихотворения 1825–1836 годов. М., 1974. С. 479.

²См.: Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С. 669–693.

³Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С. 719.

⁴Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С.

⁵См., например: *Grogiez M. Rousseau et le paradoxe*. Paris, 1997; *Salkever St. G. Interpreting Rousseau's Paradoxes // Eighteenth-Century Studies*. Vol. 11. № 2. Winter, 1977–1978. P. 204–226.

⁶*Trousson R. Jean-Jacques Rousseau*. Paris, 2003. P. 380.

⁷Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С. 102–103.

⁸Там же. С. 25.

⁹Там же. С. 60.

¹⁰Желание Ж.-Ж. Руссо было исполнено в 1928 г. в честь двухсотлетия со дня его встречи с мадам де Варанс. Памятник находится на небольшой площади Анси № 10 по улице Жан-Жак Руссо и представляет собой бюст философа, окруженный позолоченной балюстрадой, на которой написано «прекрасным пасхальным утром Руссо встретил здесь мадам де Варанс».

¹¹Руссо Ж.-Ж. Исповедь... С. 109.

¹²Там же. С. 298.

¹³Там же. С. 368.

¹⁴Там же. С. 370.

¹⁵Там же. С. 369.

¹⁶Там же. С. 298.

¹⁷«...но мне было суждено любить настоящей любовью только раз в жизни».
Там же. С. 322.

¹⁸*Руссо Ж.-Ж.* Исповедь... С. 261.

¹⁹*Trousson R.* Jean-Jacques Rousseau... P. 194.

²⁰*Ibid.* P. 233.

²¹Лис-гасконец, а быть может, лис-нормандец
(Разное говорят),

Умирая с голоду, вдруг увидел над беседкой
Виноград, такой зримо зрелый,
В румяной кожице!

Наш любезник был бы рад им полакомиться,
Да не мог до него дотянуться

И сказал: «Он зелен –

Пусть им кормится всякий сброд!»

Что ж, не лучше ли так, чем праздно сетовать?

Fables de La Fontaine. Paris, 2011. P. 25 (Le renard et les raisins).

²²*Rousseau J.-J.* Julie ou La Nouvelle Héloïse. Lettres de deux amants habitants d'une petite ville au pied des Alpes recueillies et publiées par J.-J. Rousseau. Paris, 2002. P. 327.

²³*Ibid.* P. 329–330, 331.

²⁴*Ibid.* 335, 336.

²⁵См.: *Starobinski J.* Jean-Jacques Rousseau: la transparence et l'obstacle. Paris, 1957.